

Крокодил — эпизод 13 из 16

Ваш друг очень умна человек, сказал мне вполголоса немец, собираясь меня провожать; он всё время прилежно слушал наш разговор.

А *propos*,¹ сказал я, чтоб не забыть, сколько бы взяли вы за вашего крокодила, на случай если б вздумали у вас его покупать?

Иван Матвеич, слышавший вопрос, с любопытством выжидал ответа. Видимо было, что ему не хотелось, чтоб немец взял мало; по крайней мере он как-то особенно крякнул при моем вопросе.

Сначала немец и слушать не хотел, даже рассердился.

Никто не смеет покупат мой собственный крокодил! вскричал он яростно и покраснел, как вареный рак. Я не хатит продавайт крокодил. Я миллион талер не стану брать за крокодил. Я сто тридцать талер сегодня с публикум брать, а завтра десять тысяч талер собрал, а потом сто тысяч талер каждый день собираль. Не хочу продаваль!

Иван Матвеич даже захихикал от удовольствия.

Скрепя сердце, хладнокровно и рассудительно, ибо исполнял обязанность истинного друга, намекнул я сумасбродному немцу, что расчеты его не совсем верны, что если он каждый день будет собирать по сту тысяч, то в четыре дня у него перебывает весь Петербург и потом уже не с кого будет собирать, что в животе и смерти волен бог, что крокодил может как-нибудь лопнуть, а Иван Матвеич заболеть и помереть и проч., и проч.

Немец задумался.

Я будет ему капли из аптеки даваль, сказал он, надумавшись, и ваш друг не будет умираль.

Капли каплями, сказал я, но возьмите и то, что может затеяться судебный процесс. Супруга Ивана Матвеича может потребовать своего законного супруга. Вы вот намерены богатеть, а намерены ли вы назначить хоть какую-нибудь пенсию Елене Ивановне?

Нет, не мереваль! решительно и строго отвечал немец.

Нетт, не мереваль! подхватила, даже со злобою, муттер.

Итак, не лучше ли вам взять что-нибудь теперь, разом, хоть и умеренное, но верное и солидное, чем предаваться неизвестности? Долгом считаю присовокупить, что спрашиваю вас не из одного только праздного любопытства.

Немец взял муттер и удалился с нею для совещаний в угол, где стоял шкаф с самой большой и безобразнейшей из всей коллекции обезьяной.

Вот увидишь! сказал мне Иван Матвеич.

Что до меня касается, я в эту минуту сгорал желанием, во-первых, избить больно немца, во-вторых, еще более избить муттер, а в-третьих, всех больше и большее избить Ивана Матвеича за безграничность его самолюбия. Но всё это ничего не значило в сравнении с ответом жадного немца.

Насоветовавшись с своей муттер, он потребовал за своего крокодила пятьдесят тысяч рублей билетами последнего внутреннего займа с лотереею, каменный дом в Гороховой и при нем собственную аптеку и, вдобавок, чин русского полковника.

Видишь! торжествуя, прокричал Иван Матвеич, я говорил тебе! Кроме последнего безумного желания производства в полковники, он совершенно прав, ибо вполне понимает теперешнюю ценность показываемого им чудовища. Экономический принцип прежде всего!

Помилуйте! яростно закричал я немцу, да за что же вам полковника-то? Какой вы подвиг совершили, какую службу заслужили, какой военной славы добились? Ну, не безумец ли вы после этого?

Безумны! вскричал немец обидевшись, нет, я ошень умна шеловек, а ви ошень глуп! Я заслужиль польковник, потому што показаль крокодиль, а в нем живой гоф-рат сидиль, а русский не может показаль крокодиль, а в нем живой гоф-рат сидиль! Я чрезвычайно умны щеловек и ошень хочу быть польковник! Так прощай же, Иван Матвеич! вскричал я, дрожа от бешенства, и почти бегом выбежал из крокодильной. Я чувствовал, что еще минута, и я уже не мог бы отвечать за себя. Неестественные надежды этих двух болванов были невыносимы. Холодный воздух, освежив меня, несколько умерил мое негодование. Наконец, энергически плюнув раз до пятнадцати в обе стороны, я взял извозчика, приехал домой, разделся и бросился в постель. Всего досаднее было то, что я попал к нему в секретари. Теперь умирай там от скуки каждый вечер, исполняя обязанность истинного друга! Я готов был прибить себя за это и действительно, уже потушив свечку и закрывшись одеялом, ударил себя несколько раз кулаком по голове и по другим частям тела. Это несколько облегчило меня, и я наконец заснул даже довольно крепко, потому что очень устал. Всю ночь снились мне только одни обезьяны, но под самое утро приснилась Елена Ивановна...

Кстати (франц.).